

95-летие которого отмечается в 2013 г. Именно университет, открывшийся 27 октября 1918 г., положил начало всего юридического образования Байкальского региона как элемента вузовской образовательной системы. Думаем, что данное исследование получит продолжение (впереди анализ высшего юридического образования первых двух десятилетий современной России), а его авторы еще порадуют нас новыми открытиями исторических персон в области образования.

Информация об авторе

Петров Алексей Викторович — кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра современной отечественной истории, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: alexey1109@yandex.ru.

Author

Petrov Alexey Viktorovich — PhD in Political, Senior Instructor, Chair of Modern National History, Irkutsk State University, 1, K. Marks st., Irkutsk, 664003, e-mail: alexey1109@yandex.ru.

УДК 338(571.54)

Е.В. РОЩУПКИНА

ББК 65.9(253.5)

«ДОГОНЯЮЩИЙ» ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ БУРЯТИИ*

В книге рассматриваются процессы социально-экономической модернизации Бурятии в конце XIX в. и в период проведения политики нэпа в 1920-е гг., их последствия на хозяйственную, социальную и культурную жизнь бурятского народа.

Ключевые слова: Бурятия, социально-экономическая модернизация, нэп.

E. V. ROSCHUPKINA

«CATCH-UP» CHARACTER OF SOCIO-ECONOMIC MODERNIZATION IN BURYAT REPUBLIC

The book considers the process of socio-economic modernization in Buryat Republic in the late XIX century — 1920s (period of the NEP), analyzes the results of economic, social and cultural life of Buryat people.

Keywords: Buryat, socio-economic modernization, NEP.

* Рец. на: Плеханова А. М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации / А. М. Плеханова. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

Региональная историко-экономическая литература пополнилась новой книгой — «Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации» А.М. Плехановой. Определяя актуальность выбранной темы исследования, автор во введении отмечает, что 20-е годы XX столетия занимают особое место в истории страны. Это один из самых динамичных и самых противоречивых периодов, который характеризуется быстрым переходом из одного экономического состояния в другое, трансформацией хозяйственных, политических и социальных сфер, ломкой устоявшихся в прежние годы традиционных представлений. В связи с этим актуальной задачей современной историографии, по мнению автора, «является изучение исторического опыта социально-экономической модернизации 1920-х гг., характеризующейся не только реформами, инициируемыми властью, но главное, продолжавшимся переходом от традиционных укладов к современному» (с. 3).

Сибирь в 1920-е гг., развивалась в контексте исторических процессов, происходивших в обществе и государстве. Вместе с тем развитие ее регионов, особенно таких «традиционных» и находившихся вдали от центров экономической и политической жизни, как Бурятия, имело свою специфику. Природно-географические особенности региона, особое геополитическое положение, полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, отсутствие развитых коммуникаций, сочетание различных типов хозяйственной деятельности, неразвитость промышленности, недостаток капиталов для освоения богатых природных ресурсов — вот факторы, которые предопределили специфику преобразований в переломные 1920-е гг. Исходя из этого, автор формулирует главную цель своего исследования — дать целостный анализ социально-экономической модернизации Бурятии в советский период как наглядный пример осуществления этого процесса в одном из национальных районов Сибири.

Для достижения поставленной цели, А.М. Плеханова, ставит перед собой, как исследователем, решение следующих основных задач (с. 5–6):

- проанализировать историографическую и источниковедческую базу исследования;
- определить особенности модернизационных процессов в Бурятии на рубеже XIX–XX вв., выявить причины и последствия их прерывания;
- показать историческую обусловленность в условиях кризиса начала 1920-х гг. стратегии модернизации в форме нэповской экономической модели;
- выявить особенности трансформации аграрного и торгово-промышленного секторов экономики в условиях нэпа;
- изучить динамику демографических и социальных процессов, исследовать процесс трансформации образа жизни населения.

Ясная и четко выстроенная структура книги отвечает успешному решению поставленных исследователем задач. Свою работу автор начинает с обзора историографии и источников исследования. Первая глава носит название «Социально-экономическая модернизация Бурятии в 1920-е гг.: историография и источники». В представленном подробном анализе состояния научных разработок темы исследования, А.М. Плеханова показала, что социально-экономические преобразования 1920-х гг., являющихся одним из концептуально важных и сложных периодов советской истории, стали предметом научных изысканий для многих ученых. В частности, сибирские ученые проделали большую работу для создания достоверной и полной картины исторического процесса движения и социальных последствий перехода от традиционного общества к современному. Исследование проблем модернизации на региональном уровне существенно продвинуло процесс постижения истины и способствовало уточнению имеющихся позиций и оценок. Вместе с тем, отмечает автор, проблема изучения исторического опыта социально-экономической модернизации в Бурятии в рамках выбранного хронологического периода — 1920-е гг. — не была еще предметом специального исследования.

А.М. Плеханова показывает на основе историографического анализа, что существует ряд проблем, практически не исследованных в полной мере. Не проанализирована проблема взаимосвязи модернизационных процессов в Бурятии конца XIX — начала XX вв. и 1920 гг.; не выявлены особенности трансформации аграрного и торгово-промышленного сектора экономики в условиях нэпа; недостаточно изучена динамика демографических и социальных процессов; слабо исследован процесс начавшейся трансформации образа жизни населения.

Для выполнения поставленной цели — комплексном подходе к изучению процесса социально-экономической модернизации Бурятии — автор считает необходимым расширить круг используемых источников. Кроме традиционных источников, таких как, законодательные и нормативные акты, труды руководителей партии и государства, статистические данные, делопроизводственные документы, периодическая печать, автор вовлекает в научный оборот материалы личного происхождения, которые характеризуют повседневную жизнь, мысли и чувства людей. К их числу относятся сохранившиеся в фондах письма рядовых граждан в структуры власти. Этот вид источника получил условный термин «письма во власть». Они, по мнению ученой, раскрывают отношение населения к власти, как центральной, так и на местах, а также к наследию революции в сравнении с тем, что имелося в дореволюционной жизни. Использование нетрадиционных источников и материалов позволили автору расставить личностные акценты в интерпретации действительности, усилив тем самым адекватность и достоверность ее отражения.

Таким образом, весь комплекс разнообразной литературы и многочисленных источников, использованных в работе, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что автор проделал большую исследовательскую работу, а информация, содержащаяся в них, стала прочной основой для системного изучения всех поставленных проблем и решения сформулированных задач.

Во второй главе, которая носит название «Социально-экономическое развитие Бурятии в конце XIX в. — начале 1920-х гг.», А.М. Плеханова приступает к конкретному анализу процессов преобразований в экономической и социальной жизни районов Бурятии, начиная с конца XIX в., когда во всей Российской империи шел активный процесс перестройки общественной жизни в связи с переходом на индустриальный путь развития, и заканчивая периодом рождения и становления Бурят-Монгольской республики. При этом весь период преобразований, связанных с переходом от аграрной стадии к индустриальной, именуемый модернизацией, автор делит на три этапа. Первый этап — это дореволюционный период, с конца XIX в. и до 1917 г., характеризуется медленным, но все же началом модернизационных изменений. Второй этап — годы после Октябрьской революции и годы Гражданской войны, когда процесс модернизации был прерван и даже наступил упадок в хозяйственном развитии региона. И, наконец, третий этап — этап зарождения и становления Бурят-Монгольской автономии и начало проведения политики нэпа. В это время возобновляется процесс модернизации под началом Советской власти, который изменил весь облик хозяйственной, социальной и культурной жизни бурятского народа.

Главной характеристикой модернизации Сибири, в том числе и Бурятии, автор считает догоняющий характер соответствующих изменений. Причем, дважды догоняющий, если говорить об этих процессах в Бурятии. А.М. Плеханова пишет: «Сибирь, как и Россия в целом, переживала период перехода от аграрного общества к индустриальному. Однако и на рубеже XIX–XX вв. Сибирь оставалась аграрной колонизируемой окраиной, на 90% крестьянской, в которой темпы аграрной колонизации далеко опережали темпы промышленного освоения, т.е. в Сибири модернизация имела ... догоняющий характер. Особенностью сибирской модернизации было отставание по времени от аналогичных российских процессов, большая ее зависимость от экономической политики государства (т.е. экзогенный характер), неодинаковая степень вовлеченности в модернизационные процессы, как отдельных сибирских регионов, так и различных отраслей экономики, и даже разных групп населения.

...Модернизация Бурятии имела догоняющий характер даже по отношению к Сибири» (с. 91).

Характеризуя первый этап, автор показывает, что модернизационные преобразования в Бурятии, территория которой до революции не была

выделена в самостоятельную административную единицу, а входила в состав Забайкальской области (Западное Забайкалье) и Иркутской губернии (Предбайкалье), были иницированы царским правительством в конце XIX — начале XX вв. Ее начало было вызвано стремлением самодержавного государства разрешить остроту земельных противоречий в Европейской России за счет Сибири, особенно ее национальных окраин.

Основной отраслью экономики Бурятии в этот период являлось сельское хозяйство, которое характеризовалось сочетанием всех основных хозяйственных форм — бродячее охотничье хозяйство, большое разнообразие полукочевых форм хозяйств, смешанные земледельческо-скотоводческие и типично оседлого типа земледельческие хозяйства у предбайкальских (западных) бурят и русских крестьян.

Однако, в конце XIX — начале XX вв. в русских деревнях и бурятских улусах Прибайкалья начался процесс постепенных изменений в хозяйственной жизни. Это было вызвано ростом золотодобывающей промышленности, строительством Транссибирской железной дороги, расширением рынка сбыта сельскохозяйственной продукции, отсутствием крепостного права и помещичьего землевладения, переселенческой политикой российского государства. Автор на богатом цифровом и фактическом материале показывает, что признаками проявления модернизационных процессов в Бурятии стали: в аграрном секторе — проникновение торгового капитала в деревни и улусы и развитие сельского предпринимательства; в промышленности — «видовое многообразие», как-то: домашние крестьянские маслобойные, веревочные, скорняжные, дегтярные, кожевенные, шубные и т.д. кустарные производства; ремесленные мастерские; мыловаренные мануфактуры и кустарного типа золотодобывающие предприятия; винокуренные, цементные, угледобывающие, лесопильные заводы. Таким образом, развитие модернизационных процессов привело к причудливому сочетанию традиционных и инновационных форм жизнедеятельности.

К сожалению, раннеиндустриальную модернизацию в России, а, следовательно, и в Бурятии, пишет автор, прервали революция и Гражданская война, которые отбросили страну далеко назад с пути цивилизационного развития и привели к прерыванию модернизационных процессов. Первые шаги Советской власти затормозили имеющиеся достижения капиталистической модернизации, что особенно убедительно демонстрирует гражданская война и проводившаяся в ее годы политика военного коммунизма.

В этот период начинается упадок во всей экономической жизни Бурятии. Промышленные предприятия либо закрывались, либо владели жалкое существование. Этому способствовала, прежде всего, начавшаяся национализация промышленных предприятий. В аграрном секторе основной причиной деградирующего состояния стала продразверстка,

введенная Советской властью Декретом СНК от 11 января 1919 г., суть которой состояла в жесткой политике государства, заставлявшего крестьянство поставлять сельскохозяйственную продукцию без учета реальных возможностей деревни. Автор показывает, что уже с весны 1920 г. в отчетах волостных и хошунных ревкомов отмечается изменение и политического настроения масс, которые были «крайне недовольны политикой Советской власти в деле проведения политики продразверстки» (с. 128). Наиболее беспокойными для власти были Боханский и Эхирит-Булагатский аймаки. Здесь была отмечена целая волна мятежей, которые, несомненно, были частью выступлений, прокатившихся по всей России в конце 1920 — первой половине 1921 г.

Противостояние крестьянства и власти в республике стало ослабевать лишь к концу 1923 г., что было следствием стимулов порожденных нэпом. Разрешение аренды земли, найма рабочей силы, рост кооперативных форм сельскохозяйственного производства и сбыта, увеличение кредитования деревни, ослабление налогового гнета способствовали преодолению кризиса в аграрном секторе, снижению социальной напряженности, возвращению в русло модернизационных процессов.

Поворотным историческим событием развития Бурятии стало постановление Президиума ВЦИК РСФСР, подписанное 30 мая 1923 г., об объединении в одну Бурят-Монгольскую Советскую Социалистическую Республику автономных областей бурят-монгол Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске. Рождение и становление Бурят-Монгольской республики совпало с «переходным экзаменом» страны — нэпом. Перед новыми органами местной власти, замечает А.М. Плеханова, встали два главных вопроса: как преодолеть экономическую разруху и голод, а также строить автономию, рационально используя ее преимущества.

В III главе — «Достижения, проблемы и противоречия экономической модернизации республики в период новой экономической политики» автор подробно исследует и анализирует изменения в аграрной, торговой и промышленной сферах экономики Бурятии в связи с введением нэпа.

К моменту образования Бурят-Монгольской АССР сельское хозяйство находилось в стадии наибольшего упадка. Ученая пишет, что «по сравнению с 1916–1917 гг. посевная площадь сократилась на 34,5%, поголовье скота — на 38,1%, обеспечение населения скотом по восточным аймакам — на 45,5%» (с. 205–206).

Бурят-Монгольская республика получила в наследство запутанные, а во многих местах обостренные земельные отношения. Особенно острыми были земельные отношения между русским и бурятским населением. Выходом из сложившейся сложной ситуации, по мнению автора, стало развитие в 1920-х гг. в деревнях и улусах Бурятии арендных отношений, что стало одним из ярких проявлений нэпа. Таким образом, начавшиеся отношения аренды — сдачи земли и найма рабочей силы

в Бурятии способствовали возникновению инициативы и предприимчивости бурятского крестьянства, что в свою очередь, стимулировало сравнительно быстрый подъем сельского хозяйства. К 1928 г. по основным количественным показателям аграрного производства был достигнут дореволюционный уровень.

Однако, как считает автор, учет лишь одних технических достижений, в смысле расширения посевных площадей, увеличения поголовья скота, не может служить показателем действительного экономического восстановления и развития сельского хозяйства. Кроме количественных показателей необходимо принимать во внимание еще и качественные. Автор делает вывод, что сельское хозяйство Бурятии периода нэпа не стало динамичным, действительно товарным из-за многочисленных причин экономического, политического и технического характера, таких как, неблагоприятные природно-климатические условия развития земледелия, нерешенность вопросов землеустройства, состояния инвентаря и рабочего скота, экстенсивного типа развития земледелия и животноводства. Указанные причины, по мнению автора, сдерживали интенсификацию сельского хозяйства республики и аграрную рационализацию.

Далее, рассматривая торговлю как показатель уровня преобразований и изменений в Бурятии в 1920-е гг., А.М. Плеханова считает, что следует иметь в виду тот факт, что благодаря своей специфической функциональной направленности торговля всегда играла важную роль в экономической и социальной жизни, в ее сфере формировался первоначальный капитал, она была связана со многими отраслями хозяйства. Безусловно, торговля до революции по своим количественным параметрам и качественным характеристикам уступала коммерческим центрам Европейской России, что было следствием общего исторически обусловленного отставания Сибири, особенно ее национальных окраин. Однако и здесь шел процесс постепенного формирования торговли как отдельной отрасли, возникновения и развития новых форм коммерческих торговых связей.

Гражданская война и проводившаяся в ее годы политика военного коммунизма нанесли ощутимый удар по системе товарно-денежных отношений, но не смогли до конца прекратить торговые связи.

А.М. Плеханова показывает, что, несмотря на трудности и недостатки торговли Бурятии в 1920-е гг., переход к нэпу превратил торговлю в активное звено при решении экономических проблем между сельским хозяйством и промышленностью, хозяйствующими субъектами, с другими областями и республиками. Показателем уровня модернизации в сфере торговли в изучаемый период являлась возрастающая плотность стационарной торговой сети, наличие видового многообразия — от архаичных форм (ярмарки, базары) до развитых (магазины, лавки, склады, биржи).

Вместе с тем, проведенный автором анализ, убедительно показывает, что постепенная смена регулирующих функций государства на административные меры негативно сказалось на развитии торговой сферы. В результате политика огосударствления рынка не позволила раскрыться предпринимательскому потенциалу Бурят-Монголии. Жесткий контроль всех составляющих торговли нарушили хрупкую систему хозяйственных связей и стали сдерживать модернизационные процессы в торговой сфере.

Начало преобразований в промышленной сфере Бурятии, автор связывает с 1924 г., с переходом организованного оформления автономной республики. Несмотря на ряд негативных моментов, к концу 1928 г. промышленность Бурятии была почти полностью восстановлена. Преимущественное положение перед другими укладами в экономике занимала государственная промышленность. «Уже в 1924–1925 гг. в промышленности республики ... государственный сектор по валовой продукции занимал 88,52%, кооперативный — 11,12%, частный — 0,36%, в 1926–1927 гг. соответственно 92,29; 7,64 и 0,07%» (с. 282–283).

Наряду с фабрично-заводской промышленностью в Бурятии развивалась и кустарно-ремесленная. Мелкое промышленное производство играло важную роль в народном хозяйстве слабо развитой в экономическом отношении республики. Быстрое восстановление и развитие кустарно-ремесленной промышленности в 1920-х гг. было обусловлено тем, что необходимо было в условиях нэпа дать товарную продукцию для развития торговли.

Развитию кустарных промыслов в Бурятии способствовал ряд обстоятельств: удаленность республики от рынков сбыта, неразвитость крупной местной фабрично-заводской промышленности, богатая сырьевая база. Все эти факторы влияли на развитие кустарных промыслов, особенно тех, чья продукция восполняла необходимые в хозяйстве сельскохозяйственные орудия производства, различную домашнюю утварь и т.п.

Однако, при всех своих «индустриальных» достижениях Бурятия оставалась районом с крайне низким уровнем развития промышленности. Это видно, например, из того, что если к концу 1928 г. в целом по СССР валовая продукция промышленности составляла 48%, а сельского хозяйства — 52%, то в Бурятии соответственно 14 и 86%. В 1920-е гг. в Бурятии, в отличие от Европейской части страны, практически не велось нового промышленного строительства, производилось только восстановление, переоборудование и расширение старых предприятий. Промышленность по-прежнему была представлена небольшими предприятиями добывающей и пищевкусовой промышленности, а предприятий тяжелой промышленности совершенно не было. Темпы восстановительных работ были низкими, так как производительные силы края были развиты очень слабо, промышленные предприятия имели изношенное оборудование и

были плохо обеспечены сырьем и специалистами. В результате в Бурятии очень остро стало проявляться несоответствие между развитием промышленного производства и сельским хозяйством. Промышленность не удовлетворяла растущий спрос деревни на товары. Это неизбежно вело к возникновению товарного голода. Полная загрузка имевшихся производственных мощностей, физический и моральный износ основного капитала требовали значительных материальных затрат для обновления машинного парка, для создания новых промышленных отраслей. Для этого требовались огромные капиталы, которыми республика не располагала.

Что же стало с населением региона в послереволюционные годы, какие изменения произошли в его социально-классовом, половозрастном, национальном составе? Какие новые социалистические отношения укоренились в быту? Ответы на эти вопросы А.М. Плеханова дает в IV главе своей книги «Особенности социальной модернизации Бурятии в 1920-е гг.».

На основе данных переписи, автор, прежде всего, анализирует социальную структуру региона в изучаемый период. В Бурятии, как и в целом по стране, структура населения была представлена следующими социальными группами: крестьянством, рабочими, служащими (в том числе интеллигенцией, руководящим партийно-государственным и техническим персоналом), безработными и представителями частного капитала. Все эти группы отличались не только в количественном, но и в качественном отношении: по уровню материального благосостояния, этапам и принципам формирования.

Основным процессом, наблюдавшимся в недрах крестьянства, было расслоение. Этот процесс наблюдался еще в конце XIX в., и ускорился с построением железной дороги, с внедрением в сельскохозяйственное производство машин и других механизмов, а после окончания Гражданской войны — в связи с переходом к нэпу. Как пишет автор: «В 1924 г. Бурят-Монгольский обком партии констатировал: «Классовое расслоение деревни налицо» (с. 310).

Структура рабочих в Бурят-Монголии в период осуществления новой экономической политики, как и в целом по стране, являлась неоднородной и состояла из рабочих государственного, кооперативного и частного секторов. По данным А.М. Плехановой, в 1924 г. 72,3% рабочих кадров составляли рабочие государственных предприятий, 17,8% — кооперативных, 9,9% — частных (с. 318). Рабочие государственных предприятий являлись той частью населения, на которую в первую очередь опиралась правящая партия, поэтому их количественный рост имел первостепенное значение.

Пополнение рабочих кадров в республике происходило за счет избытка рабочих рук в улусах и деревне, естественного прироста населения, а также за счет лиц, прибывавших из крупных промышленных

центров страны. На промышленные предприятия возвращались также рабочие, ушедшие в годы Гражданской войны на фронт.

Вместе с тем, отмечает автор, с введением нэпа в республике стала возникать и безработица. Поглощать избыточное рабочее население помогала кустарная промышленность. Так, в Бурятии 75% от общего числа работающих были заняты в кустарных промыслах. Это позволяет отнести кустарей того времени к крупной социальной экономической группе населения республики.

К сожалению, на страницах книги А.М. Плехановой нет анализа изменений в структурном составе молодежи, в частности не показано увеличение численности учащейся молодежи, студенчества. В этот период по всей стране, и в том числе Сибири, начинается активный процесс поступления молодежи в вузы, а рабочей молодежи — на рабфаки.

В целом, проанализировав изменения в социальной структуре населения Бурятии в годы нэпа, автор выделяет следующие специфические тенденции: низкая социальная мобильность, пониженный по сравнению с общенациональным удельный вес рабочих кадров в населении региона; высокий уровень безработицы и ее формирование в основном за счет выходцев из сельской местности; отсутствие крупной нэпманской буржуазии.

Вместе с изменениями в социальной структуре происходили качественные изменения и в образе жизни сельского и городского населения Бурятии.

Так, А.М. Плеханова, пишет, что основной чертой изучаемого периода стало начало социалистических преобразований деревни и улуса, которое затронуло не только производственную и социальную сферу, но и культурно-бытовые условия жизни земледельцев и скотоводов. Среди наиболее значимых направлений государственной политики в 1920-е гг. стала система мероприятий, направленных на перевод кочевников на оседлость, раскрепощение женщин, повышение уровня медицинского обслуживания, охрану материнства и детства, ликвидацию безграмотности, изменение форм и содержания досуга, формирование клубно-библиотечной сети в сельской местности. Однако качество жизни бурятских крестьян все еще оставалось достаточно низким.

Что касается жизни горожан, то проведенный автором анализ статей семейного бюджета, структуры питания, уровня потребления непродовольственных товаров и качества жилищных условий показал также низкий уровень материального обеспечения городского населения. Чтобы выжить населению приходилось комбинировать индустриальные и традиционные элементы образа жизни.

Показателями, характеризующими изменения психоментальности городского населения, являются смена форм и содержания досуга, среди которых все чаще становятся коллективное празднование социалис-

тических праздников (1 мая, 7 ноября), посещение клубов, чтение книг и журналов, просмотр кинокартин и спектаклей. Становлению нового образа жизни также способствовала активно разворачивающаяся на протяжении 1920-х гг. борьба с религиозным сознанием населения путем их атеистического воспитания.

Проведенный скрупулезный автором работы анализ дает основания рассматривать все произошедшие за этот период времени изменения как модернизационный процесс, в результате которого происходил постепенный переход от традиционного общества к современному.

Следует согласиться с заключением автора, что «в истории социально-экономической модернизации Бурятии, как в миниатюре, отразился комплекс достижений и противоречий, присущих национальным районам Сибири, связанным общим ритмом истории... Изучение комбинации различных сторон социально-экономического развития, его специфики в границах Бурятии дало возможность представить не просто один из фрагментов российской истории, а один из ее локальных инвариантов, без изучения которых невозможно формирование современной концепции отечественной истории» (с. 390).

Исследовательская работа А.М. Плехановой, проведенная на богатом статистическом и фактическом материале, с четко выстроенной структурой и ясными объективными выводами, претендует стать заметным явлением в региональной и всей отечественной историко-экономической науке.

Информация об авторе

Рощупкина Елена Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@isea.ru.

Author

Roschupkina Elena Viktorovna — PhD in Economics, Associate Professor, Chair of History, Economic and Political Sciences, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: history@isea.ru.

УДК 957
ББК 63.3

Т.А. ЯКОВЛЕВА

«КТО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ, ПУСТЬ СДЕЛАЕТ...»*

Рецензируется учебное пособие по истории Сибири Л.Г. Олеха, вышедшее в 2013 г. Анализируется содержание учебного пособия с точки зрения соответствия Федеральному государственному стандарту тре-

* Рец на: Олех Л. Г. История Сибири : учеб. пособие / Л. Г. Олех. – Изд. 2-е перераб. и доп. — Ростов н/Д : Феникс, 2013. — 380 с. – (Высшее образование).